

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-92-103
УДК 94

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВА

Эволюция британских представлений о Первой мировой войне

Аннотация. В британской традиции Первая мировая война почти неизменно сопровождается эпитетом «Великая». Память о ней передается из поколения в поколение, живет в семейных архивах и музейных коллекциях. Однако это не означает статичности образа Великой войны в общественном сознании. В статье рассматривается, как на протяжении столетия после окончания этого масштабного конфликта трансформировалось его восприятие, прежде всего в среде британской интеллектуальной и политической элиты. Прослеживается корреляция этого процесса с изменениями в общественно-политической жизни Великобритании и событиями на международной арене.

Ключевые слова: историческая память, Первая мировая война, британская историография, внешняя политика Великобритании.

Проблема формирования массовых представлений о прошлом привлекает в настоящее время все большее внимание. В условиях стремительных изменений в политике, социальной жизни, международных отношениях особенно отчетливо проявляется значение исторической памяти как средства самоидентификации человека и социума. История народов и государств незримо присутствует в современности. И это не только свершившиеся события или процессы, разворачивавшиеся в прошлом, но и наши современные знания и представления о них. Историческая память является неотъемлемой составляющей нашего мировоззрения, во многом определяющей оценки и действия в настоящем и тот образ будущего, который формируется в нашем сознании.

Наиболее ярко отражаются в исторической памяти переломные эпохи и масштабные события. Одним из таких событий стала Первая мировая война, в значительной степени определившая ход истории XX в. Недаром американский историк и дипломат Дж. Кеннан в 1979 г. назвал ее «исходной катастрофой нашего столетия» [Kenan, p. 11]. В британской традиции эта война почти неизменно сопровождается эпитетом «великая». Память о ней передается из поколения в поколение, живет в семейных архивах и музейных коллекциях. На протяжении столетия в Соединенном Королевстве существует традиция ежегодно 11 ноября (в годовщину даты заключения Компьенского перемирия) отмечать День памяти павших.

Сведения об авторе: РОМАНОВА Екатерина Владимировна – доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук; yevromanova@hotmail.com.

Признание огромной роли Первой мировой войны в истории Великобритании и всего мира не означает, однако, неизменности представлений о ней, статичности ее образа в общественном сознании британцев. Характерная черта исторической памяти состоит в том, что она постоянно актуализируется, подвергается ревизии под влиянием социальных факторов. Оценки Великой войны эволюционировали по мере смены поколений, трансформировались под воздействием текущих событий в жизни общества и в мировой политике.

Влияние исторической науки на формирование образа прошлого в общественном сознании оценивается исследователями по-разному и порой противоречиво. Так, авторы ряда работ по проблемам социологии знания И.М. Савельева и А.В. Полетаев, казалось бы, разводят историю и память, утверждая, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» [Савельева, Полетаев, с. 218]. Вместе с тем эти ученые признают, что «теоретически в современных обществах историческое знание должно иметь функцию каркаса исторического сознания или массовых представлений о прошлом» [Там же, с. 218–219.], пишут о том, что обращение к теме исторической памяти наделяет историка новой социальной миссией [Там же, с. 172]. На роль историков в качестве «творцов» коллективной памяти указывал французский ученый Б. Гене, подчеркивавший, что «социальная группа, политическое общество, цивилизация определяются прежде всего их памятью, т.е. их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки» [Цит. по: Репина, с. 129]. Американский историк, исследователь проблем исторической памяти Дж. Уинтер справедливо замечал, что массовые представления о прошлом и исторические исследования формируются по разным законам, но в то же время подчеркивал взаимовлияние этих сфер [Winter, p. 5–6].

Историки являются плотью от плоти своего общества. Формируя коллективные представления, они одновременно испытывают их влияние на собственный образ мыслей. Такая связь традиционно остро ощущается британскими учеными. На наличие субъективной составляющей в работе историка, определяющейся как его личностью, так и современной ему эпохой, указывал Э. Карр [Carr]. Он рассматривал историю как взаимодействие между историком и фактами, диалог между прошлым и настоящим и называл самого историка продуктом истории до того, как он начинает ее писать. Системная связь историографии с мировоззрением историка и культурой эпохи, в которую он работает, позволяет рассматривать нарратив, открывающийся перед читателем со страниц исторических трудов, как одно из проявлений общественного сознания.

Рассматривая эволюцию историографии Первой мировой войны, Д. Уинтер выделяет четыре периода, соответствующих четырем поколениям исследователей: поколение «Великой войны», творившее в 1920–1930-е годы; историки, деятельность которых пришлась на конец 1950-х – 1960-е гг.; «поколение Вьетнама», по понятным причинам более заметное в американской историографии; наконец, современное поколение, которое Уинтер называет «транснациональным» [The legacy... p. 1–9]. Отталкиваясь от предложенной периодизации, рассмотрим специфику этих этапов, то новое, что было привнесено в восприятие войны на каждом из них.

В период, которому было суждено стать межвоенным, представление о войне формировалось теми, кто в ней участвовал, или их современниками. Вскоре после войны в свет вышли мемуары представителей военного командования, политиков, дипломатов, которые стремились объяснить и порой оправдать свою деятельность накануне масштабного конфликта и в его ходе. В их числе занимавший пост премьер-министра с 1908 г. по декабрь 1916 г. Г. Асквит и сменивший его на этом посту Д. Ллойд Джордж, министр иностранных дел с конца 1905 г. по конец 1916 г. Э. Грей, занимавший ряд министерских постов в ходе войны У. Черчилль, начальник Генерального штаба в 1915–1918 гг. У. Робертсон и занимавший этот пост накануне войны, а в первые полтора года конфликта командующий британскими экспедиционными силами Дж. Френч, первый морской лорд Дж. Фишер и многие другие. В центре внимания авторов мемуаров – предвоенная дипломатия и противостояние с Германией, выбор стратегии в ходе войны и ведение военных операций, организация снабжения армии, взаимодействие с союзниками и нейтральными странами. При имевшемся несходстве позиций их история войны – это история, рассказанная «сверху». Война предстает в традиционном для нового времени обличье – столкновения государств, являющихся основными акторами на международной арене, действия которых направляют решения политиков и военных.

Важным фактором, который определял восприятие британцами войны, являлась оценка ее значения и итогов. С одной стороны, казалось, что цели, которые провозглашались британскими государственными деятелями – права малых стран и сокрушение германского милитаризма – были достигнуты. В выступлениях британских политиков поражение Германии приравнивалось к «спасению цивилизации» [The Times, November 13, 1918]. С другой стороны, человеческие жертвы и материальные потери, понесенные Великобританией, являлись беспрецедентными для этой страны. Так, член британского кабинета министров лорд Р. Сесил говорил о всеохватывающем ужасе войны (символом чего стало сражение на Сомме), оправдать который могло лишь создание системы, обеспечивающей мир [ibidem].

Однако Парижская конференция явилась разочарованием для членов британской делегации. Широко известна опубликованная в 1919 г. работа одного из них, Д.М. Кейнса, получившего впоследствии признание в качестве выдающегося ученого-экономиста. Вышедшие из-под пера Кейнса «Экономические последствия мира» рисовали картину разоренной войной Европы, где были нарушены традиционные хозяйственные связи, бушевала инфляция, а население находилось на грани голода. Как указывал Кейнс, «мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы, ничего для того, чтобы превратить побежденные Центральные державы в добрых соседей, ничего для того, чтобы дать устойчивость вновь созданным государствам, чтобы образумить Россию; он не подготовил пути для осуществления экономической солидарности в среде самих союзников; в Париже не пришли ни к какому соглашению по вопросу о восстановлении расстроенных финансов Франции и Италии и ничего не сделали для согласования системы Европы и Нового Света» [Кейнс, с. 28]. Неудовлетворенность итогами мирной конференции высказывал на страницах опубликованных в 1933 г. воспоминаний еще один из ее участников, молодой сотрудник Форин-офис

Г. Никольсон. Передавая свои ощущения от участия в процессе мирного урегулирования, он замечал: «Мы приехали в Париж, уверенные в том, что вот-вот будет создан новый порядок; мы уехали оттуда, убедившись, что новый порядок – это лишь искаженный до неузнаваемости старый (had merely fouled the old)» [Nicolson, p. 187].

Подобные оценки не только порождали сомнения в моральной оправданности Версальского миропорядка (что, отметим, не обязательно согласовывалось с намерениями их авторов), но и заставляли вновь задумываться о значении и смысле Великой войны. Эти вопросы ставили и произведения художественной литературы, написанные фронтовиками. На конец 1920-х – начало 1930-х годов приходится появление ряда книг о войне. В числе наиболее известных – автобиографический роман ушедшего на фронт добровольцем Роберта Грейвза «Со всем этим покончено» (1929); «Смерть героя» (1929) Ричарда Олдингтона; проникнутые пацифистскими мотивами «Воспоминания охотника на лисиц» (1928) и «Воспоминания пехотного офицера» (1930) Зигфрида Сассуна; посмертная публикация стихов погибшего на Западном фронте Уинфреда Оуэна (1931), более полная, чем предшествовавшее издание 1920 г. Они рисуют картину ужаса и боли жизни на войне, часто отнюдь не героической смерти солдат, глубокого разрыва, который существовал между представлением о войне у командования и реалиями фронтовой повседневности. Во многом под влиянием этих произведений в восприятии Великой войны британским обществом появляется мотив ее бессмысленности и ненужности.

Тот факт, что подобный образ войны стал формироваться именно в конце 1920-х годов, не случаен. Так, американский исследователь С. Хайнс относит определенный перелом в восприятии войны к 1926 г., когда Всеобщая стачка продемонстрировала шаткость послевоенной стабилизации, а оксфордский профессор А. Грегори связывает его с началом Великой депрессии [Hynes, p. 419; Gregory, p. 119]. Несмотря на некоторые расхождения в датировке, оба автора согласны в том, что социально-экономическая ситуация в Великобритании во второй половине 1920-х годов во многом определила восприятие обществом солдатской прозы и поэзии и принятие (по крайней мере, его частью) той картины войны, которая представала со страниц произведений рядовых участников. Именно в это время стало ясно, что провозглашенный еще в ходе предвыборной кампании конца 1918 г. Д. Ллойд Джорджем лозунг сделать «условия жизни в стране достойными героев» («a fit country for heroes to live in») не реализовался. В предвыборных выступлениях британский премьер-министр говорил о миллионах жизней, потерянных на войне, но в то же время призывал не забывать о том, что в послевоенной Великобритании миллионы жизней оставались искалеченными из-за ужасающих социальных условий [The Times, November 24, 1918]. Окончание войны вселяло надежды на улучшение жизни. Однако события 1926 г. продемонстрировали разочарование в среде рабочего класса, а начавшийся осенью 1929 г. экономический кризис нанес существенный удар по благосостоянию всех слоев общества. Ощущение, что жизнь в результате войны не стала лучше, порождало мысль о бесполезности принесенных в ее ходе жертв.

В 1930-е годы стало заметным некоторое смещение акцентов в оценке предвоенной ситуации британскими мемуаристами и историками. Так, далеко не безупречной

предстает в их изображении британская дипломатия накануне войны, а закрепленное Версальским миром положение о германской вине за ее развязывание звучит не столь отчетливо, как ранее. Показательно в этом отношении признание Д. Ллойд Джорджа, сделанное на страницах первого тома опубликованных в 1934 г. воспоминаний: «после прочтения большей части литературы, посвященной вопросу о том, почему народы бросились в войну и на ком лежит ответственность за войну, у меня не остается ничего, кроме впечатления крайнего хаоса, всеобщего помешательства, слабости и безнадежности. Среди правителей и государственных деятелей, которые одни могли дать роковой приказ, вызвавший к жизни великие армии и бросивший их через границы, нет ни одного – это совершенно ясно – кто хотел бы войны; во всяком случае не было речи о войне в европейском масштабе» [Ллойд Джордж, с. 65]. Война в изображении британского политика лишена героического ореола и характеризуется как «дело разрушения и жестокости», которому «люди посвящали энергию, ум и рвение в течение четырех с половиной лет» [Там же, с. 31].

Сложившееся на рубеже 1920-х – 1930-х годов представление о мировой войне может отчасти объяснить ту политику умиротворения, которую проводило британское правительство по отношению к Германии, Италии и Японии. Очевидно, что ее причины не сводятся к тому, как в 1930-е годы воспринимались в обществе события 1914–1918 гг., однако появившаяся в сознании британцев ассоциация войны с бессмысленной жертвой создавала условия, в которых политика, ставившая своей целью избежать повторного соскальзывания в войну или уйти от нового военного столкновения, опиралась на массовую поддержку. Широкое «Движение за мир» стало отличительной чертой 1930-х годов. Примечательно, что в это время были зафиксированы попытки (в итоге не прижившиеся) сменить алый мак, ставший неизменным атрибутом мемориальных мероприятий, приуроченных к Дню памяти павших, на белый, который инициаторы этой идеи ассоциировали с символом мира [Gregory, p. 149–183].

В 1930-е годы британские политики, дипломаты и военные старались всячески избежать повторения того пути, по которому страна шла в преддверии Великой войны и в ее ходе. Не испытывая иллюзий в отношении сущности нацистского режима, они стремились не допустить изоляции Германии и отказывались от курса на создание против нее единого фронта, убежденные в том, что раскол Европы на блоки в начале XX в. стал одним из условий войны.

Подстраховываясь на случай, если война все-таки разразится, в Лондоне разрабатывали стратегию ее ведения. При этом практически всеобщим было убеждение, что она не должна повторить опыт Первой мировой войны. Великобритания готовилась вести новую войну по-иному: военные планировали сосредоточиться на периферийных операциях, не требующих огромной армии и не грозящих большими людскими потерями, а не отправлять во Францию экспедиционные силы, как это произошло в августе 1914 г. [См. подробнее: Gibbs]

Вторая мировая война на время затмила образ Первой.

Новый этап в изучении Первой мировой войны начался на рубеже 1950–1960-х годов с рождением социальной истории, которой оказался более созвучным образ войны, сформировавшийся во фронтовой литературе 1920–1930-х годов, а не представление о ней, складывавшееся на основе мемуаров высокопоставленных политиков и военных. Не разделяя тезис Л. фон Ранке о «примате внешней политики» и, соответственно, продиктованный им политико-дипломатический подход к изучению истории международных отношений, в 1960-е годы исследователи стали отдавать предпочтение анализу тех процессов, которые разворачивались внутри страны, и оценке их роли в ее поведении на международной арене. В фокусе внимания было общество, его структура: классы и партии, различные группы давления.

Знаковым событием с точки зрения влияния на восприятие войны британским обществом стала публикация в 1963 г. книги А. Дж. П. Тейлора «Первая мировая война. Иллюстрированная история». Ориентированная на широкого читателя, она вышла огромным тиражом. Сам Тейлор полагал, что его работа сыграла важнейшую роль в формировании картины войны в сознании британцев. До определенной степени такая оценка может быть признана справедливой. В статьях о Первой мировой войне, написанных в начале нынешнего столетия, авторы нередко вспоминают о впечатлении, которое на них в молодые годы оказала книга Тейлора (как текст, так и подборка иллюстраций).

Преподававший в Оксфордском университете, Тейлор не очень соответствовал образу академического историка-исследователя. Его блестящие, порой провокационные лекции привлекали огромные толпы студентов, но он всегда стремился обратиться к более широкой аудитории. Отсюда его участие в телепрограммах, чтение публичных лекций, ведение колонки в газете *Sunday Express*. Он считал, что преданность ученого своей профессии должна сочетаться с наличием у него гражданской позиции [Segel, p. 531–546]. Позиция самого Тейлора отчетливо видна в его книге о Первой мировой войне. Как отмечалось в одной из рецензий, она являлась «в первую очередь историей неизвестного солдата» [The First World War... p. 214]. Это уже не была война, взгляд на которую открывался из министерских кабинетов или военных штабов. Книга подтверждала репутацию Тейлора как постоянного оппонента английского истеблишмента. Иллюстрированная история Первой мировой войны рисовала картину бессмысленной бойни на Западном фронте, где сражающиеся представляли жертвами черствости и бездарности командования и политиков. Тейлор писал об армии Китченера, солдаты которой были «обучены только наступать цепью», идти в штыковую атаку. Но «британские пехотинцы на Сомме не видели тех, с кем они сражались, и штык использовался лишь для того, чтобы убить тех, кто уже сдался» [Цит. по: Fair, p. 77]. Жестокими, не считающимися с жизнями британских и французских солдат представляли в трактовке Тейлора намерения командования измотать немцев серией наступлений на отдельных участках Западного фронта осенью 1915 г. Злой иронией были проникнуты подписи под иллюстрациями. Так, изображение подожженной в ходе военных действий камерунской деревни сопровождалось словами: «Цивилизация приходит в Африку». А под фотографией жертв газовой атаки можно было прочесть «Новый триумф цивилизации» [ibid, p. 77–78].

Иллюстрации в книге Тейлора представляли окопную войну, взгляд на нее с позиции солдата, рядового участника. Такой же ракурс задавал и зрительный ряд цикла из 26 документальных фильмов о Великой войне, показанных каналом Би-би-си 2 в 1964 г. Этот ставший важным событием в общественной и культурной жизни страны кинопоказ один из исследователей назвал «точкой невозврата» в представлениях британцев о Первой мировой войне. Вполне в духе социальной истории в цикле были использованы интервью с ветеранами [Webber, Long, p. 277]. Пожалуй, впервые предпочтение было отдано свидетельствам обычных людей, а не занимавших высокие посты политиков и генералов. Великая война воспринималась уже не столько как борьба государств, ведомых своими правительствами, сколько как трагедия миллионов вовлеченных в нее рядовых британских участников. Формирующееся таким образом новое представление о войне затмевало более традиционный «взгляд сверху», однако полностью не вытесняло его.

Упомянутый традиционный взгляд был представлен участвовавшими в написании сценария профессиональными историками К. Барнеттом и Дж. Террейном. Однако уже в ходе телетрансляций он был публично поставлен под сомнение Г.Б. Лиддел Гартом, еще одним профессиональным исследователем, приложившим руку к созданию фильмов. После показа тринадцатого фильма, повествующего о наступлении на Сомме, выступавший военным консультантом цикла Г.Б. Лиддел Гарт обратился к руководству телекомпании с просьбой снять свое имя из титров. В письме в газету *Times* он объяснил это категорическим несогласием с акцентами, расставленными в закадровом комментарии. В фильме подчеркивалось «якобы имевшее место отсутствие опыта и выучки у британских войск и в то же время не было никакого упоминания о бесспорных ошибках Верховного командования в планировании и проведении операции». Лиддел Гарт также полагал, что зритель мог вынести неверное впечатление о масштабе британских потерь в ходе битвы на Сомме, которые (по его оценке, не учтенной в окончательной версии фильма) существенно превосходили германские [The Times, September 19, 21, 1964].

Тезис о несостоятельности британских и французских военных, руководивших операциями на Западном фронте, уже получил к тому времени достаточное распространение и закрепился в общественном мнении. После выхода в 1961 г. книги А. Кларка с говорящим названием «Ослы», посвященной деятельности командующих экспедиционными силами во Франции и Бельгии в 1915 г., устойчивой для описания британской армии в Первой мировой войне стала метафора «львы, ведомые ослами», подчеркивающая героизм солдат, с одной стороны, и некомпетентность генералов – с другой. Как отмечала газета *Times* в рецензии на книгу Кларка, вынесенная в ее заглавие характеристика была сравнительно мягкой с учетом фактов, собранных в работе. По заключению газеты, вряд ли можно было простить даже через пятьдесят лет то бездумное уничтожение «львов» (солдат на передовой), которое происходило на Западном фронте [The Times, July 20, 1961].

Книга Кларка стала одним из источников вдохновения Джоан Литлвуд, поставившей в 1963 г. мюзикл «Ах, какая прелестная война!», который А. Дж. П. Тейлор на-

звал «самым правдивым свидетельством о войне 1914–1918 гг.» [The Times, June 21, 1963]. Мюзикл пользовался большим успехом не только в Великобритании, но и за ее пределами. Подобно книге Тейлора и циклу о войне, снятому Би-би-си, он отражал общественные настроения 1960-х годов. Его направленность – против некомпетентности, бесчувствия и лицемерия правящего класса, его лейтмотив – бессмысленность войны. Как справедливо отметил современный исследователь Д. Пейджет, такие идеи не были чем-то абсолютно новым, их истоки можно было найти во фронтовой литературе межвоенного периода, однако именно в 1960-е годы они стали определять образ войны в сознании британцев [Paget, p. 117–127].

Заслуживает внимания тезис Пейджета о том, что утверждение подобного представления о Первой мировой войне произошло фактически с согласия британского истеблишмента. Об этом говорят приведенные выше примеры благожелательных отзывов и рецензий, опубликованных в газете *Times*, которая прочно ассоциируется с интересами правящих кругов. Показателен и факт включения произведений поэтов-фронтовиков в школьную программу. По мнению Пейджета, столь благожелательный подход к появившимся в 1960-е годы ревизионистским оценкам Великой войны соответствовал общему курсу на учет требований «низших классов», взятому правящими элитами стран Запада [Ibid, p. 120]. Его можно поставить в один ряд с широкой программой социальных реформ, реализованной в Великобритании после Второй мировой войны. Пересмотр взгляда на Первую мировую войну, готовность признать несостоятельность политики тех, кто стоял у руля страны в начале XX в., как и социальные реформы, рассматривались в качестве средств достижения классового мира и общественного консенсуса.

На восприятие в обществе Первой мировой войны влиял и международный контекст. Суэцкая авантюра, ставшая одним из крупнейших провалов британской внешней политики XX в., подталкивала к мысли о несостоятельности стратегического планирования, осуществляемого правящей элитой. Ярko выраженный антивоенный характер появившихся в 1960-е годы произведений о Первой мировой войне хорошо понятен с учетом гонки вооружений и опасности ядерной войны, к порогу которой мир подошел и с ужасом отшатнулся от него в период Карибского кризиса.

Утвердившиеся в тот период представления о Первой мировой войне, по мнению многих исследователей, до сих пор живы и остаются доминирующими в сознании британцев. Ревизионизм превратился в традицию, и в настоящее время ревизионистскими называют работы, в которых отвергаются те подходы и выводы, что были сформулированы в 1960-х. Книги, телепередачи, сериалы о войне, появившиеся в последующие десятилетия, во многом опирались на оценки, данные в тот период. В то же время они имели собственную специфику и привносили дополнительные оттенки в ее образ.

Тема трагизма войны для солдат, жизнь или смерть которых на поле боя (где невозможно укрыться от снарядов) становится результатом случайности, является лейтмотивом вышедшей в свет в 1976 г. книги военного историка Джона Кигана «Лик бит-

вы». Отнесенный Дж. Уинтером к «поколению Вьетнама», Киган рисует картину войны, которая скорее находится в русле социальной истории и наметившегося культурного поворота, чем отвечает традициям собственно военной истории.

Такой подход к Первой мировой войне набирает популярность в последующие десятилетия. Его противопоставляют экономическому и социальному детерминизму. Сторонники этого подхода сосредоточиваются на идеях, психологии поведения, рассматривая их как категории, во многом независимые от материальных условий. В то же время историография делает шаг к транснациональной, глобальной истории Первой мировой войны, в рамках которой государства и социальные группы уже не представлены в качестве основных акторов событий 1914–1918 гг. В центре внимания историков – психологические и социальные явления, которые выходят за рамки государств и отдельных обществ. В качестве примеров можно привести обращения историков к темам боевых психических расстройств, военного плена и беженства, наконец, памяти о войне и мемориальных практик.

Размывающий государственные и социальные границы, такой подход во многом коррелирует с процессами интернационализации и глобализации, которые разворачиваются на наших глазах. Они затрагивают и сообщество историков, порой получающих образование в нескольких странах и строящих академическую карьеру вдали от родины. Нередким явлением в исторической науке становятся коллективные труды с участием исследователей из разных стран. Иногда такой подход не оставляет места военной истории в традиционном ее понимании – как истории выработки военной стратегии и ведения боевых операций. Война предстает явлением, принадлежащим не к области международных отношений, а к глобализованному миру, где, как может показаться, отсутствуют государственные границы и деление на устойчивые социальные группы. Подобное видение во многом соответствует идеологии единой Европы. Как писал в 2003 г. российский историк Т.М. Исламов, «объединяющаяся на наших глазах Европа ищет легитимации в своем прошлом» [Исламов, с. 3], переосмысливая его с позиций сегодняшнего дня. Первая мировая война в рамках такого подхода рассматривается в качестве общеевропейской трагедии, поставившей под угрозу судьбы европейской цивилизации.

Подобное представление не чуждо многим британцам. Вместе с тем развернувшаяся в последние годы как на страницах исторических работ, так и в средствах массовой информации дискуссия о современной репрезентации Первой мировой войны заставляет задаться вопросом, насколько этот образ тотален и всеохватен. Эта дискуссия оказалась столь острой и вызвала такой широкий резонанс, что журнал *Times Higher Education* в номере от 26 июня 2014 г. назвал ее «битвой за национальную память о Первой мировой войне» [Collective memory...].

Представление о сути разногласий между вовлеченными в полемику сторонами дает опубликованная в начале июля 2014 г. статья известного британского художественного критика и обозревателя газеты *Guardian* Джонатана

Джонса. Он выступил с осуждением концепции арт-инсталляции из алых керамических маков, развернутой перед лондонским Тауэром в память о погибших в Первой мировой войне [The Guardian, October 31, 2014]. Масштабный проект, в котором использовалось 888 246 маков – по числу погибших на фронтах солдат Великобритании и ее колоний, привлек огромное общественное внимание: тысячи добровольцев приняли участие в его создании.

Неприемлемыми для Джонса оказались красота проекта и замысел воплотить в нем абстрактную идею скорби, которая, с точки зрения критика, не передавала историю войны, а значит могла быть лишь «иллюзией памяти». По мнению Джонса, любое произведение искусства, рассказывающее о Первой мировой войне, должно «показывать ее ужасы, а не скрывать страшные факты под ковром из искусственных цветов». Изображение войны, по его словам, не может быть красивым, поскольку неизбежно сопровождающие ее смерть и раны не являются прекрасными.

Еще один упрек, адресованный обозревателем газеты *Guardian* авторам проекта, заключался в том, что их инсталляция ограничивала память о войне национальными рамками. Скорбь по британским солдатам (подчеркнутая количеством цветов), с точки зрения Джонса, не могла оправдать отсутствия скорби по погибшим в боях французам, русским, немцам. Автор выражал неприятие той «иллюзии» о Великобритании как об «острове героев, который никому ничем не обязан и не имеет ни с кем братских связей», поддержанию которой способствовал мемориальный проект.

Статья Джонса высвечивала дилеммы британцев в преддверии столетней годовщины начала войны. Как отмечать это событие: в «либеральном, соответствующем идеалам единой Европе духе», представляя войну как «трагическую и бессмысленную кровавую бойню», или «отдавая дань самопожертвованию сражавшихся на фронтах британцев и воинов владений Британской империи и испытывая гордость за их победу»? Следует ли восхищаться «непоколебимостью британских солдат, выполнявших свой долг, или рассматривать тех, кто сражался в войне, как одурманенных джингоистской пропагандой жертв, которых вели на бойню некомпетентные генералы и узколобые политики»? [Collective memory...] Как преподавать историю Первой мировой войны в школе? [Pennell, p. 34–40] Наконец, насколько оправданным было британское вступление в войну?

Споры по последнему вопросу велись в Великобритании более столетия, со времени июльского кризиса 1914 г. Отличительной чертой начала XXI в. стало то, что историки перенесли свои дискуссии на экраны телевизоров. Целью программы М. Хастингса «Необходимая война» [The Necessary War], к участию в которой он привлек других авторитетных исследователей (М. Ховарда, Х. Строна, М. Макмиллан, Дж. Реля), явилось опровержение устоявшегося восприятия войны как бессмысленного конфликта. Автор программы, сторонник тезиса о германской ответственности за войну, проводил мысль о неизбежности британского вмешательства в конфликт для предотвращения германского доминирования. В качестве его оппонента выступил Н. Фергюсон, который в программе «Горечь войны» [The Pity of War] развивал тезисы, высказанные им еще в 1999 г.

в одноименной книге. Суть их заключается в том, что война против Германии была ненужной и оказалась катастрофой как для Великобритании, так и для всего мира. Если бы Лондон остался в стороне, Германия смогла бы одержать быструю победу. В результате не было бы ни миллионов жертв конфликта 1914–1918 гг., ни нацизма, ни Второй мировой войны, а Европейский союз был бы создан намного раньше. Таким образом, по мнению Фергюсона, своим вмешательством Великобритания лишь продлила бессмысленную, повлекшую за собой страшные последствия катастрофу и отсрочила объединение Европы.

Не остались в стороне от развернувшейся полемики по вопросу о значении войны и политические деятели. Так, министр образования М. Гоув в опубликованной на страницах газеты *Daily Mail* в начале 2014 г. статье обратился к преподаванию истории Первой мировой войны, высказался по поводу ее трактовки некоторыми историками, а также коснулся ее восприятия британским обществом. Он раскритиковал опору на левую традицию в преподавании и обрушился на трактовку, заданную мюзиклом «Ах, эта прелестная война!» и сатирическим сериалом «Черная гадюка». «Непатриотичному» взгляду консервативный политик противопоставил образ справедливой войны, которую вела отстаивавшая идеалы демократии Великобритания против агрессивной, милитаристской, попиравшей нормы международного права Германии.

В статье четко прослеживается мысль автора: то, какой является память о войне, имеет политическое значение. Формирование «правильного» представления о ней, по мнению Гоува, особенно важно в условиях многочисленных вызовов, с которыми сталкивается Великобритания: «соперничество великих держав, движение миграционных потоков, быстрые социальные сдвиги, экономическая взаимозависимость, масштабные технологические изменения, хрупкость доверия к политическим элитам» [The Daily Mail, January 2, 2014].

Вряд ли можно ожидать, что в ближайшее время будет поставлена точка в столетней дискуссии о том, чем была Первая мировая война для британцев и для всего мира. Сами изменения в восприятии этого конфликта подтверждают, кажется, мысль Э. Карра об истории как диалоге историка (или другого субъекта ее постижения) с прошлым. Такой подход к истории таит в себе большие опасности – отхода от историзма, перенесения на прошлое реалий сегодняшнего дня. В то же время в нем заложена перспектива постоянного углубления и обогащения наших представлений о прошлом. Каждый новый этап изучения Первой мировой войны позволял увидеть новые грани этого явления. Представления о войне с позиций государства, различных социальных групп, отдельного человека почти никогда не совпадали, однако ни одно из них не может быть проигнорировано, поскольку в каждом отражается существенная сторона сложной исторической реальности, несводимой к простым и однозначным схемам.

Литература

Исламов Т.М. Европейские историки о европейской истории // Новая и новейшая история. 2003. № 5.

- Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского договора (фрагменты) // Кейнс Дж. М. Избранные произведения. / Пер. с англ. М. 1993.
- Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2 / пер. с англ. М. 1934.
- Репина Л.П. Концепция социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. под. ред. И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. М. 2005.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого/ под. ред. И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. М. 2005.
- Carr E.H. What is History? London. 1961.
- Collective memory and the First World War. A. W. Purdue on the battles among academics over the conflict's place in history // Times Higher Education. June 26. 2014. – URL:
- Collective memory and the First World War. A. W. Purdue on the battles among academics over the conflict's place in history // Times Higher Education. June 26. 2014.
- Fair J.D. A. J. P. Taylor as a 'Contemporary' Historian // The International History Review. Vol. 23. № 1. 2001. Webber N., Long P. The last post: British press representations of veterans of the Great War // Media, War & Conflict. Vol. 7. №. 3. 2014.
- Gibbs N.H. Grand Strategy. Vol. 1. London. 1976.
- Gregory A. The Silence of Memory: Armistice Day, 1919–1946. Oxford, 1994. P. 119
- Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. London. 1990.
- Kennan G. The Decline of Bismarck's European Order: Franko-Russian Relations, 1875–1890. Princeton, NJ. 1979.
- Nicolson H. Peacemaking, 1919, Being Reminiscences of the Paris Peace Conference. Boston. 1933.
- Paget D. Popularising popular history: 'Oh What A Lovely War' and the sixties // Critical Survey. Vol. 2. № 2. Writing and the First World War. 1990. P. 117–127.
- Pennell C. On the frontlines of teaching the history of the First World War // Teaching History. № 155. Teaching about the First World War. 2014.
- Segel E.B. A. J. P. Taylor and History // The Review of Politics. Vol. 26. №. 4. 1964. P. 531–546.
- The Daily Mail. January 2. 2014. – URL: dailymail.co.uk/news/article-2532923/Michael-Gove-blasts-Blackadder-myths-First-World-War-spread-television-sit-coms-left-wing-academics.html (date of access: 03.03.2019).
- The First World War: An Illustrated History, by A. J. P. Taylor // Journal of the Society for Army Historical Research. Vol. 42. № 172. 1964.
- The Guardian. October 31. 2014. – URL: theguardian.com/commentisfree/2014/oct/31/world-war-one-poppies-memorial-cameron (date of access: 04.03.2019).
- The legacy of the Great War. Ninety Years On / ed. by J. Winter. Columbia; London. 2009.
- The Necessary War // BBC. – URL: bbc.co.uk/programmes/b03wtmz6 (date of access: 18.10.2018).
- The Pity of War // BBC. – URL: bbc.co.uk/programmes/p01nl00x (date of access: 18.10.2018).
- The Times. July 20. 1961.
- The Times. June 21. 1963.
- The Times. November 13. 1918.
- The Times. November 24. 1918.
- The Times. September 19, 21. 1964.
- timeshighereducation.com/features/collective-memory-and-the-first-world-war/2014087.article (date of access: 18.10.2018).
- Winter J. Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven; London. 2006.